

УДК 94 (37) «41»

Встреча Антония и Клеопатры в Тарсе (41 г. до н. э.)*Богомазова Людмила Николаевна*

Стаття присвячена першій зустрічі Марка Антонія у якості триумвіра з царицею Клеопатрою. Розглядаються наступні аспекти: ініціатор, характер, театралізована та релігійна складові зустрічі. Автор приходиться до висновку, що ця подія стала початком свідомої взаємовигідної співпраці згаданих політичних діячів.

Ключові слова: Антоній, Клеопатра, Афродіта, Цезаріон, Рим.

Богомазова Людмила. Встреча Антония и Клеопатры в Тарсе (41 г. до н. э.). Статья посвящена первой встрече Марка Антония в качестве триумвира с царицей Клеопатрой. Рассматриваются следующие аспекты: инициатор, характер, театраллизованная и религиозная составляющие встречи. Автор приходит к выводу о том, что это событие стало началом осознанного взаимовыгодного сотрудничества упомянутых политиков.

Ключевые слова: Антоний, Клеопатра, Афродита, Цезарион, Рим.

Bohomazova Liudmyla. The Meeting of Antony and Cleopatra at Tarsos (41 BC). The article presents a critical analysis of the first meeting of Marc Antony as Triumvir and Queen Cleopatra. An author examine questions of initiator of meeting, its character, its spectacular and religious elements. The author concludes this meeting was a beginning Antony and Cleopatra's conscious advantageous co-operation.

Keywords: Antony, Cleopatra, Aphrodite, Caesarion, Rome.

Раздел сфер влияния между триумвирами в 42 г. до н. э. привел к тому, что восточные владения достались Антонию. После победы над Брутом и Кассием он отправился в путешествие по вверенным ему территориям и в августе или в сентябре 41 г. до н. э. прибыл в киликийский город Тарс, расположенный на реке Кидн. Именно в этом городе он вновь увиделся с царицей Птолемеевского Египта Клеопатрой VII. Их знакомство могло состояться во время египетского похода Авла Габиния или диктатуры Юлия Цезаря, когда Антоний был его первым соратником, а Клеопатра жила на вилле диктатора в рамках своего официального визита в Рим. В годы гражданских войн в римско-египетских отношениях возникли определенные неясности, поэтому первая встреча Антония в качестве восточного триумвира и победителя республиканцев с правительницей богатого независимого, но слабого царства обещала иметь непреходящее значение.

О встрече на Кидне повествуют такие античные авторы, как Аппиан Александрийский и Плутарх, однако первый ограничивается лишь несколькими фразами (App. V. C., V, 8), в то время как второй, известный своим неравнодушием к живописным описаниям и эффектным сценам, не жалеет красок для изображения торжественности прибытия Клеопатры к Антонию (Plut. Ant., 26, 1-4). Это обстоятельство позволило Е. В. Смыкову, вслед за К. Пиллингом [19, p. 179], сделать вывод, что визит царицы был «лишь незначительным эпизодом в калейдоскопе событий 41 г.» [6, с. 86], который сам триумвир вряд ли считал знаковым [6, с. 86]. Действительно, нельзя сбрасывать со счетов, что Плутарх мог несколько преувеличить роскошь, окружавшую царицу, его скептическое отношение к монаршим церемониям известно (Plut. Luc., 21, 5), однако, это вовсе не означает, что ему нельзя доверять. Представление о значении тарсийской встречи, как правило, напрямую зависит от того, как тот или иной исследователь предлагает оценивать ее зрелищность. Со слов Плутарха, венценосная египтянка появилась на Кидне в подобии богини Афродиты, в окружении мальчиков с опахалами, изображающих эротов, в сопровождении женщин, наряженных харитами и nereидами, на роскошном корабле с позолоченной кормой, посеребренными веслами и под пурпурными парусами (Plut. Ant., 26, 1-2). Подобное свидетельство натолкнуло Я. Ю. Межеричко на мысль, что Антоний воспринял столь эффектное прибытие царицы не иначе, как бутафорию [4, с. 156]. А. Б. Егоров предполагает, что триумвир хотел придать ее визиту личный характер, а (квази)политическим значением его наполнила уже Клеопатра [2, с. 187-188]. А. Вейголл, напротив, считает, что он ожидал официальной встречи и был изумлен увиденным [20, p. 324]. И Г. Бенгтсон, и А. Голдсворти расценивают сцену, устроенную Клеопатрой, как вульгарную наживку, чтобы поймать вульгарного мужчину [1, с. 342; 15, p. 544]. Впрочем, Антоний сам был заядлым театралом, в его любовницах были актрисы, поэтому театральность встречи вряд ли околдовала его.

Вопрос о том, кто был инициатором этой встречи остается открытым. Версия источников о том, что Клеопатра была вызвана, чтобы объяснить, почему она не приложила руку к победе цезарианцев над заговорщиками (App. V. C., V, 8; Plut. Ant., 25, 1), звучит неубедительно, т.к. в свое время Кассий собирался идти на Египет войной и маловероятно, чтобы она стала помогать убийцам отца ее сына. Более того, царица готовила и посылала помощь цезарианцам, но та не всегда достигала цели (App. V. C., V, 8). А. Вэйголла представляется наиболее вероятным, что Антоний хотел поговорить о деньгах и о возможности вывести молодого Цезариона на политическую сцену как законного наследника диктатора [20, p. 320]. Л. Крэйвен согласен, что триумвир посылал за ней, чтобы поговорить о деньгах [14, p. 38], однако ни он, ни другие исследователи

не видят оснований предполагать, что объектом их беседы в Тарсе было будущее Цезариона в Риме. Внебрачный ребенок римского гражданина периода Республики от восточной царицы не имел права ни претендовать на имущество покойного, ни, тем более, рассчитывать на то, чтобы стать его политическим приемником. А. Голдсворти сделал предположение, что Клеопатра, подобно другим правителям Востока, отправляла послов к Антонию во время его путешествия, прежде, нежели тот отправил к ней Деллия [15, р. 541-542]. Г. Ферреро считает возможным, что царица отправилась к триумвиру добровольно или по совету его друзей [7, с. 158], однако мы придерживаемся версии, что инициатива встречи исходила от Антония. Ю. Б. Циркин отмечает, что Антоний опасался отпадения Египта от Рима, что могло повлечь за собой новые сложности для триумvirата и державы в целом [9, с. 273]. Предпосылки этому были – Клеопатра действительно вела переговоры с парфянами в беспокойные годы гражданской войны, однако на тот момент это ни к чему не привело. Г. Хельбл утверждает, что Антоний хотел удостовериться в лояльности александрийского двора в предстоящей капании против Парфии, поэтому и организовал встречу [17, р. 240]. Эта точка зрения представляется правдоподобной в свете заявления Плутарха о том, что триумvir готовился к войне, когда вызывал царицу в Киликию (Plut. Ant., 25, 1), однако нет достаточных оснований утверждать, что в этом деле он продвинулся далеко, приготовления, вероятно, были еще на ранней стадии [21, р. 132-133].

Особый интерес представляет сакральная составляющая свидания на Кидне. Многие исследователи в один голос утверждают, что, поскольку в своей стране правительница была живым воплощением египетской богини Исиды, которая отождествлялась с разными эллинскими богинями, в том числе, и с Афродитой, то появление царицы в Тарсе следует воспринимать, как прибытие Клеопатры-Исиды [11, р. 29; 17, р. 104]. Однако, по нашему мнению, не стоит отказываться от мнения, что Клеопатра прибыла к Антонию именно в образе греческой богини. Плутарх, который написал особый труд о культе Исиды, по крайней мере, мог отличить процессию одной богини от другой. Следовательно, если бы атрибуты шествия царицы были типичными для поклонения Исиде, то античный писатель указал бы на это. Видимо, представ в образе Афродиты, царица тем самым выразила поддержку религиозному опыту Антония на Востоке [3, с. 218; 8, с. 338]. По крайней мере, жители Тарса именно так восприняли столь экстравагантное для римского ока появление Клеопатры. По городу молниеносно разнеслась весть о том, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии (Plut. Ant., 26, 4). Другими словами, религиозная окраска приветствия Антония Клеопатрой была продиктована представлением особых почестей римлянину несколько ранее, о чем царица могла узнать как из его писем, так и от его людей (Plut. Ant., 26, 1).

Монархи дома Птолемеєв издавна преподносили себе своїм підданим (прежде всего – грекам и египтянам) через комплекс трансформацій єгипетських ідей і образів таким образом, чтобы фараоновський характер царства Птолемеєв був прийємлем для елінізованого населення. Перші цари і цариці досягли немалых успіхів на цьому поприще [10, р. 23], а Клеопатре оставалось лише переняти їх опыт. Если на перших порах обожествление цариц носило личный характер, то для более поздних правительниц божественный статус соответствовал их реальному положению во власти [18, р. 8]. Отождествление женщины с божеством происходило через ассимиляцию ее имени с эпитетами богини [18, р. 21]. В этом смысле Афродита была одним из самых популярных божеств. Она разделяла заботы некоторых других богинь о созидании, воскресении, плодородии, красоте [18, р. 35, 70-72], однако эти аспекты нам представляются малоинтересными в контексте тарсийской встречи. Афродита обладала рядом других достоинств. Во-первых, она была морской богиней. Это было актуально для Птолемеєв, чей флот бороздил просторы Средиземного, Красного, Черного и Арабского морей. Во-вторых, она была единственной значительной греческой богиней, которая ассоциировалась с территорией державы Птолемеєв, т. е. – с островом Кипр. Идентификации Береники I, Арсиной II и Береники II с Афродитой были направлены на повышение, в том числе, политического статуса цариц. Важно подчеркнуть, что время пребывания на престоле этих правительниц было периодом наибольшего территориального расширения Птолемеєвского Египта. Не исключено, что Клеопатра остановила свой выбор на Афродите в том числе потому, что это когда-то сделали ее могущественные предшественницы. Тем самым она не только отсылала Антония к былой славе ее царства, но продемонстрировала, что Египет и сейчас благоденствует, а еще намекала, что Киприде неплохо было бы вернуть Кипр, отнятый республиканцами.

Вместе с тем, в эллинистический период богиня Афродита все более тесно ассоциируется с браком и приобретает функцию матери [13, р. 156 and 164]. Среди малой бронзы эллинистического Египта часто встречаются изображения одетой по-гречески Афродиты, как в диадеме, так и с венцом из перьев и солнечным диском, обвитым коровьими рогами. Последний головной убор был очень популярен у Птолемеєвских цариц в рамках культа богини Нехмет – божественной матери и защитницы правителя [13, р. 151]. Ее связь с фигурой царицы прослеживается со времен Клеопатры III. Она была женой, а затем вдовой Птолемея VIII Эвергета, но главное для нас – соправительницей старшего и младшего сыновей. Имя матери в официальных документах того времени ставилось перед именем того или иного сына, хотя традиция требовала иначе. Культ Нехбет позволял провести параллель между богиней и царицей. Поэтому не удивительно, что он занимал почетное место в религиозной политике Клеопатры III [13, р. 156]. В 107 г. до н. э. новый жрец зафиксировал:

«царица Клеопатра, богиня Афродита, любящая мать» [13, р. 156]. С тех пор культ богини Афродиты-Нехмет так или иначе проявляется в почитании египетских цариц. На бронзовой статуэтке из Нижнего Египта времен заката эллинизма накладка Афродиты стилизована под большое крыло. В египетской традиции Нехмет могла быть полностью покрыта перьями, а руки – слиться с крыльями [13, р. 156], которыми она покрывала своего сына.

По нашему мнению, выбор для встречи с триумвиром образа Афродиты был продиктован, не в последнюю очередь, функциями богини как матери. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в 44 г. до н. э. Клеопатра приступила к строительству в Гермонтисе «Дома рождения» в честь Цезариона (которому на тот момент было три года), а также поместила его изображение на южной стене храма Хатхор в Дендере. В обоих случаях Цезарион изображен как взрослый: в первом случае он – юный Гор, готовый отомстить за своего отца, во втором – молодой фараон, который вместе с матерью совершает подношение богам [16, р. 49]. Похоже, что Клеопатра настойчиво искала помощи у сверхъестественных сил и поддержки своих поданных. Царице действительно необходимо было защищать своего первенца. В марте 44 г. до н. э. она лишилась могущественного покровителя семейства, а в июле того же года скоростижно ушел из жизни ее соправитель Птолемей XIV (Jos. Ant. Jud., XIV, 4, 1). В Египте женщина не могла править одна, поэтому Клеопатра венчала на царство собственного сына. Мальчик стал Птолемеем XV без санкции Рима, т. к. его в очередной раз поглотила пучина гражданских междоусобиц и ему было не до престолонаследования в заморской стране. Несмотря на то, что Птолемеевский Египет считался суверенным государством, фактически уже с 60-х гг. I в. до н. э. он находился в зависимости от Сената. Ситуация осложнялась тем, что была жива младшая дочь Птолемея XII, которая все еще пребывала в храме Артемиды Эфесской после александрийского триумфа Цезаря. И ее вполне можно было рассматривать как законную претендентку на власть в Египте (Jos. Ant. Jud., XIV, 4, 1). Не может быть, чтобы Антоний, который долго пробыл в Эфесе и посещал храм Артемиды, не встречался с Арсиной или ее представителями [8, с. 325; 15, р. 542]. Дж. Флетчер делает предположение, что встреча триумвира с ее сестрой стала известна Клеопатре VII и вызвала у нее беспокойство за судьбу отцовского наследия [8, с. 338]. Теперь же, когда Антоний прибыл на Восток, точка над «и» в этом вопросе должна была быть поставлена.

Марк Антоний отправился в турне прежде всего ради денег, но римский Восток заметно обнищал из-за постоянных и непомерных поборов последних десятилетий. Нужны были новые источники денежных средств, каковыми могли стать только три государства в регионе: Парфия, Армения и Египет [5, с. 82]. Мнение П. Бикнелла,

Н. А. Машкина и Я. Ю. Межеричко о том, что одним из вариантов развития событий могло стать присоединение Птолемеевского Египта к Римской державе [3, с. 218; 4, с. 156; 12, р. 337], нам представляется несостоятельным в силу того, что наличие зависимых царств – это характерная черта восточной политики Рима, а Римская империя на закате Республики – не строго очерченная государственными границами территория, но ареал распространения римского влияния. По нашему мнению, Марку Антонию было все равно, кого – Арсиною или Клеопатру – считать царицей египетской. Важно было, кто из них готов распахнуть перед ним двери государственной казны. Именно этой перспективой объясняется та настойчивость, с которой Антоний приглашал царицу на встречу и то внимание, которое было оказано ее персоне, чего не удостоился по отношению к себе ни один зависимый монарх (Jos. Ant. Jud., XIV, 12, 2-6; XIV, 13, 1-2; Plut. Ant., 25-27). В свою очередь, медля с визитом, царица, должно быть, «набивала себе цену» в глазах римлянина. Великолепие на пути в Тарс было не прихотью глупой женщины, но завуалированным посланием: если Антонию нужны египетские деньги, то правительницей страны должна оставаться Клеопатра.

Видимо, этот посыл помог Марку Антонию окончательно определиться с кандидатурой на александрийский престол. Вскоре по его приказу были убиты Арсиноя (Jos. Ant. Jud., XV, 4, 1) и некий самозванец из Арада, который выдавал себя за чудом спасшегося во времена Александрийской войны Птолемея XIII (App. B. C., V, 9). Дестабилизация ситуации в регионе Антонию была ни к чему. Таким образом, руками триумвира Клеопатра устранила всех возможных политических конкурентов, сохранив власть за собой и своим сыном.

Царица пробыла в Тарсе несколько недель, а, прощаясь, пригласила Антония к себе. Мы не можем сказать, на какой ноте закончилось общение этих двух политиков в 44 г. до н. э., однако их переговоры три года спустя открыли новую страницу в истории римско-египетских отношений. По нашему мнению, исход встречи на Кидне с полной уверенностью можно назвать дипломатической победой всех сторон. Антоний, не вынимая меч из ножен, не отделяя от римских восточных владений ни югера земли, заполучил рог изобилия Птолемеевского Египта, а Клеопатра, устранив всех возможных конкурентов, укрепила свое положение на престоле. Конечно, триумвир не спешил возвращать Птолемеям Кипр, но и не отнимал у них ничего из владений. Визит царицы в Тарс стал краеугольным камнем осознанного взаимовыгодного сотрудничества обоих политиков.

Литература

1. Бенгтсон, Г. Правители эпохи эллинизма: пер. с нем. / Г. Бенгтсон. – М., 1982.
2. Егоров, А. Б. Антоний и Клеопатра. Рим и Египет: встреча цивилизаций / А. Б. Егоров. – СПб., 2012.
3. Машкин, Н. А. Принципат Августа: происхождение и социальная сущность / Н. А. Машкин. – М.-Л., 1949.
4. Межеричский, Я. Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я. Ю. Межеричский. – М.-Калуга, 1994.
5. Ростовцев, М. И. Рождение Римской республики / М. И. Ростовцев. – М., 2003.
6. Смыков, Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) / Е. В. Смыков // АМА. – 2002. – Вып. 11. – С. 80-106.
7. Ферреро, Г. Величие и падение Рима: в 3 т.: пер. с ит. / Г. Ферреро. – СПб, 1998. – Т. 3.
8. Флетчер, Дж. Клеопатра Великая: женщина, стоящая за легендой: пер. с англ. / Дж. Флетчер. – М., 2011.
9. Циркин, Ю. Б. Гражданские войны в Риме. Победенные / Ю. Б. Циркин. – СПб., 2006.
10. Ando, C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire / C. Ando. – L. A., 2000.
11. Bevan, A. A. History of Egypt under Ptolemaic Dynasty / A. A. Bevan. – L., 1927.
12. Bicknell, P. J. Caesar, Antony, Cleopatra and Cyprus / P. J. Bicknell // Latomus. – 1977. – Т. 36. – Fasc. 2. – P. 325-342.
13. Cheshire, W. A. Aphrodite Cleopatra / W. A. Cheshire // ARCE. – 2007. – Vol. 43. – P. 151-191.
14. Craven, L. Antony's Oriental Policy until the Defeat of the Parthian Expedition / L. Craven. – Columbia, 1920.
15. Goldsworthy, A. Antony and Cleopatra / A. Goldsworthy. – L., 2010.
16. Gray-Fow M. What to do with Caesarion / M. Gray-Fow // Greece & Rome. – 2014. – Vol. 61. – P. 38-67.

17. *Hölbl, G.* History of the Ptolemaic Dynasty; transl. from German / G. Holbl. – L., N. Y., 2001.
18. *Oppen de Ruiter, B. F. van.* Religions Identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis / B. F. van Oppen de Ruiter. – N. Y., 2007.
19. Plutarch. Life of Antony / Ed. by *C. B. R. Pelling.* – Cambridge, 1988.
20. *Weigall, A.* The Life and Times of Marc Antony / A. Weigall. – N.-Y., 1931.
21. *Wijlick, H. A. M. van.* Rome and Near Eastern Kingdoms and Principalities, 44-31 BC: A Study of Political Relations During Civil War / H. A. M. van Wijlick. – Durham, 2013.